

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
К48

SPIDER-MAN: KRAVEN'S LAST HUNT
Neil Kleid

Originally published in English by TITAN BOOKS,
under the title SPIDER-MAN: KRAVEN'S LAST HUNT

Печатается с разрешения издательства *Titan Publishing Group Ltd.*

SPIDER-MAN CREATED BY STAN LEE AND STEVE DITKO
EDITOR: STUART MOORE
DESIGN BY NELSON RIBEIRO
COVER ART BY MICHAEL LARK AND JODI WYNNE
INTERIOR ART BY MIKE ZECK, BOB MCLEOD,
STEVE GEIGER AND ART NICHOLS
VP PRODUCTION & SPECIAL PROJECTS: JEFF YOUNGQUIST
ASSISTANT EDITORS, SPECIAL PROJECTS: SARAH BRUNSTAD AND
CAITLIN O'CONNELL
VP, LICENSED PUBLISHING: SVEN LARSEN
SVP PRINT, SALES & MARKETING: DAVID GABRIEL
EDITOR IN CHIEF: C.B. SEBULSKI

Перевод с английского *Юрия Павлова*

Клейд, Нил.

К48 Человек-Паук: Последняя охота Крэйвена : [роман] / Нил Клейд ; перевод с английского Юрия Павлова. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 320 с.— (Вселенная Марвел).

ISBN 978-5-17-121923-9

Давний враг Питера Паркера Сергей Кравинов, потомок русских аристократов, прирожденный охотник, начинает свою последнюю схватку. Его жертва — Человек-Паук. Но Кравинов не остановится, заполучив свой трофей, он намерен влезть в шкуру Паука, как делал с другими своими жертвами, изучить его повадки и занять его место.

Все новые комиксы о Невероятном Человеке-Пауке основаны на этой трагической истории.

УДК821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-121923-9

© 2020 MARVEL

*Посвящается Джеку, Оуэну,
Оливии и маленькому супергерою,
который вот-вот родится.
Я пишу эти строки тем самым вечером,
когда впервые объяснил вам,
что чем больше сила,
тем больше ответственность.
Помните: вы — моя сила.*

ПРОЛОГ

ОХОТНИК достал винтовку, подержал в руках, словно взвешивая, покрутил. Погладил приклад, сильными мозолистыми пальцами сжал холодный ствол и нежно, трепетно, по-отечески положил оружие на стол. Уникальная винтовка была изготовлена специально для Охотника на базе «Ремингтона 700» и хранилась в настоящем гробу, отделанном медью, а изнутри обитым бархатом. Теперь он лежал открытым в самом сердце убежища Охотника.

Сергей вышел из комнаты, расположенной в центре его жилья, — тайного хранилища трофеев и воспоминаний, накопленных за всю жизнь. Осторожно, крадучись, как дикий кот, он двигался по аскетичным комнатам, удаляясь от гроба и винтовки. Винтовка ждала своего часа, ждала, когда все закончится.

Но время еще не пришло.

Одетый в синий, небрежно подвязанный халат, Сергей добрался до заднего флигеля дома. Вход сюда был запрещен даже помощникам и слугам. Здесь находилась его святая святых — пышно

убранный зал, заставленный чучелами поверженных Охотником противников. Каких-то он привез из дальних земель в клетках, каких-то притащил на собственных плечах, а некоторых смог даже оседлать. Никому, будь то гордый лев, могучий слон, яростный тигр или ловкий ягуар, не удалось победить Охотника в расцвете сил. Сергея не брали ни когти, ни зубы, ни устрашающий рев. Из каждой схватки Охотник выходил победителем и забирал в качестве трофея шкуры и кости зверей. Он одолел всех хищников в мире... кроме одного.

Сергей задернул шторы и в наступившем полумраке сбросил халат. Нагой, облаченный лишь в эфемерную шкуру Охотника, он обошел комнату, кланяясь своим бывшим врагам. Его взгляд упал на иссиня-черную пантеру, застывшую с безмолвным оскалом на морде. Он прошел мимо угрожающей фигуры огромной обезьяны, занесшей руки для удара, и оказался у стола, на котором стоял небольшой серебряный поднос со свечами и склянками. Мысли о прошлом и будущем мешали сосредоточиться, поэтому Сергей провел ритуал без лишней помпы. Он зажег благовония, дождался, пока лиловый дым наполнит зал, и залпом выпил несколько эликсиров, настоянных на расширяющих сознание травах.

Он повернулся к животным, в схватках с которыми снискал славу, вышел на середину комнаты и опустился на четвереньки. Сергей перестал быть Охотником, теперь он обрел инстинкты и повадки Зверя и передвигался уже на четырех конечно-

стях. Травы и снадобья изменили восприятие, превратили Охотника-человека в Охотника-зверя, но, преследуя воображаемую добычу, крадясь между слоном и носорогом, Сергей чувствовал, что он стал чем-то большим. «Я — Крэйвен», — думал он. Имя звенело в голове, разносилось по комнате, отражалось от стен и трофеев. «Я — Крэйвен, я — Зверь». Он повторял это как заклинание и, увенчанный этой мыслью, бросился к едва видимой в лиловой дымке пантере. Очутившись перед огромной кошкой, Сергей зарычал на нее, а после схватил пантеру и швырнул в стойку с разукрашенными щитами и копьями. Коллекция смертоносного оружия рассыпалась по полу.

Сергей подошел — нет, подкрался к новому врагу — высоченной обезьяне, чья тень упала на обнаженное тело Охотника. Сергей поднялся на ноги, высоко поднял руки, копируя позу покрытого шерстью примата, и с первобытным, кровожадным воплем, почти без размаха врезал обезьяне в челюсть так, что голова отлетела. Охотник обхватил туловище обезьяны и поднял над головой. От ярости и напряжения его мышцы натянулись, как канаты.

Сергей хищно улыбнулся. «В моих мыслях — ярость и слава, — подумал он. — В моем сердце — огонь и гордость. Я — Крэйвен. В моем теле — грация и сила».

Издав трубный, как у слона, рев, Сергей обрушил чучело обезьяны на пол. Куски разлетелись по залу. На все это безмолвно взирали другие существа.

Тяжело дыша, вспотевший от усилий и жаркого дыма Охотник проковылял к шторам и сорвал их, попутно подхватив свой халат. Дым начал расплываться за пределы зала, он следовал за Сергеем по коридорам, но тот не обратил на него внимания. Разум был поглощен мыслями о грядущей миссии.

«Я — Крэйвен, Зверь, — напомнил он себе, — но я также и Кравинов, человек».

Надев халат и подвязав его, Сергей окончательно прогнал Зверя. Иначе зачем ему винтовка? Он вышел из зала на своих двоих и распахнул прочные дубовые двери библиотеки. Внутри было тепло, в шкафах хранились потрепанные книги, на стенах висели потертые карты. Сергей решил выпить африканского красного вина, в котором, в отличие от эликсира, не было ничего колдовского. Это прекрасное вино, с нотками мака и львиной крови, много лет выдерживалось в глиняных сосудах. Сергей налил его в массивный серебряный кубок, привезенный родителями из России много лет назад — дар того времени, о котором Сергей мало что помнил. Он позволил вину надыхаться, а сам окинул взглядом комнату, полную таких же, как кубок, предметов, передававшихся из поколения в поколение в роду Кравиновых и оказавшихся наконец в его недостойных мозолистых руках.

— Я — Кравинов, — произнес он вслух, пусть рядом не было ни души.

Старик Кравинов, хотя мало кто поверил бы в это; со дня, когда он ребенком прибыл с роди-

телями в эти края волков и ягнят, прошли годы — долгие, трудные, порой бесцельные. Тогда он был лишь детенышем, молокососом, с матерью и кормилицей перебравшимся на берега земли, где не существует понятий чести и достоинства.

При взгляде на статную фигуру Сергея, его обветренное лицо и черные как вороново крыло волосы никто не дал бы ему больше сорока. Секрет таился в зельях и травах, которые Сергей принимал. Травы превращали его из человека в зверя, из охотника в хищника, но они также позволяли ему сохранить молодость, ловкость, выносливость и силу. На самом деле Сергей Кравинов скитался по свету уже почти целый век.

Он многому научился за это время, думал Сергей, лениво взбалтывая вино в кубке. Эта страна — не единственная, где забыли про честь и достоинство. В России этим вещам тоже не осталось места. Культура и аристократия ушли в прошлое, взамен пришли большевики, человек стал кормовым объектом для других людей, а точнее, зверей в человеческом обличье. Когда эти люди-звери добрались до семьи Сергея, те были вынуждены искать счастья в Новом Свете — в Америке.

Тем не менее все, что родителям Сергея пришлось бросить на любимой родине, было им впитано задолго до того, как Ленины с Троцкими утянули матушку Россию в пропасть. Он нес это в своей крови, в каждой клеточке кожи, в то время как весь мир, казалось, следует печальному примеру России. Где теперь встретишь достойных людей?

Сергей стоял у стола посреди библиотеки и большими глотками пил вино, не обращая внимания на то, что кроваво-красная жидкость стекала по подбородку и капала на его широкую мускулистую грудь. «А куда исчезло понятие чести?» — спрашивал он себя.

Он протянул руку к маленькой панели на столе и сильно надавил на кнопку. Один из книжных шкафов скользнул в сторону, книги в нем оказались лишь искусными муляжами. На месте шкафа возникла неприметная двойная дверь, за которой находилась тускло освещенная часовенка с двумя рядами свечей вдоль стен. Сергей на цыпочках обогнул стол, неосознанно возвращаясь к звериным повадкам, и вошел в часовню. Двери закрылись за спиной. «Я — Кравинов, — снова подумал он, — и будь мои отец и мать живы, они не узнали бы эту израненную, испуганную зверушку, зовущуюся цивилизацией. Они бы пришли в ужас».

Сергей кивнул и залпом осушил кубок, вино полилось по подбородку. Он рассеянно обтерся ладонью и шагнул вперед, в круг мягкого света. По сторонам от него длинные тени плясали на стенах и окнах.

Да, они бы испытали ужас. И отвращение.

Он неторопливо миновал ряды скамеек и цветных мозаичных окон и оказался посреди часовни. Наконец он возвратился к гробу. Тот дожидался на пьедестале у широкого окна, в окружении серебряных канделябров и пышных цветочных композиций, привезенных из Москвы, с Мадагаскара

и с Ближнего Востока. Мимоходом взглянув на лежащий рядом модифицированный «Ремингтон», Сергей поднялся по ступенькам к гробу. Он поставил кубок на край крышки, а сам обхватил гроб с обеих сторон, глядя при этом вверх, на потухшие свечи и безразличное декоративное окно.

Я — человек. Я — Зверь.

Я — Крэйвен-охотник.

В этом мире еще можно было найти остатки достоинства, но не в больших городах. Охотник находил их в джунглях. Честь и благородство он видел не среди цивилизованных людей, утверждавших, что живут в добропорядочном обществе, а в дикой природе, где правил один закон: выживает сильнейший. Там же, а не в культуре, искусстве или других ценностях так называемой цивилизации, он нашел нравственность и смысл. Смыслом жизни Крэйвена была охота, и он посвятил ей себя без остатка. Но Время, неумолимый хищник, наконец настигло его. Еще немного, и его тело навсегда окажется заточенным в клетке времени.

Травы, коренья, эликсиры могут поддерживать в нем жизнь, продлевая отмеренный Сергею срок, но ни одно зелье не в силах вновь воспламенить его угасающий дух, и ни одна трава не вылечит его сердце, с трудом выдерживающее гнет порочной эпохи.

«Когда-то я был ребенком, — подумал Сергей, — всего лишь щенком, которого мать таскала из одних джунглей в другие. Во многом я та-

ким и остался». Но смысл охоты начал понемногу ускользать, и груз прошлых ошибок тяжелым бременем лежал на душе Охотника. Его взгляд упал на стол, где лежала винтовка.

«Я скоро умру, — решил Сергей. — Я должен скоро умереть».

Он сунул руку в гроб и аккуратно пошарил там, поглаживая бархатную обивку и лежавший внутри предмет. Челюсти Сергея заскрежетали. Он вспомнил о матери, о России и обо всех невзгодах, выпавших на его долю после приезда в Америку. Он крепко сжал в кулаке лежавший в гробу предмет. В пальцах Сергея оказалось лицо его врага. Шкура Зверя.

Крэйвен медленно вытащил из гроба костюм — алый с синим, украшенный восьмипалым символом Зверя. Поднеся облачение Человека-Паука к лицу, он погладил толстым мозолистым пальцем широкие белые линзы глазниц. Крэйвен изучал свою добычу и обдумывал стоящую перед ним задачу. В уголках его глаз выступили неожиданные слезы. Он пристально смотрел в невидящие глаза Паука, готовясь к охоте.

— Я скоро умру, — произнес Крэйвен.

Фраза стала для него своего рода заклинанием, которое он повторял, чтобы сосредоточиться. Той же цели служил и стук африканских барабанов, устрашающим аккомпанементом сопровождавший его мысли.

— Я должен скоро умереть, — Крэйвен крепко сжал в руке маску Паука. — Но не сейчас.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СКОРБЯЩИЕ